

Мертвым и живым боевым друзьям посвящается!

ЭХО ВЗРЫВА

В конце октября 1990 года бывшие члены экипажа линейного корабля «Новороссийск» со всех концов страны прибыли в Севастополь, где тридцать пять лет назад 29 октября 1955 года свой последний поход трагически закончил флагманский корабль эскадры Черноморского флота, оборвавший жизнь многим боевым друзьям. Они собрались, чтобы вспомнить друзей, учебно-боевые походы, ту трагическую ночь, навсегда оставшуюся в памяти каждого, и возложить цветы на братские могилы, на плите одной из которых выбиты слова: «Любовь к Родине и верность присяге были для них сильнее смерти».

Эхо взрыва, прошедшего огненным смерчом восемь палуб и многоэтажье кубриков в районе между шпилями, барбетом первой башни главного калибра и бортами носовой части линкора, образовавшего пробоину в 150 квадратных метров, разнеслось далеко за пределы Севастополя. О нем сообщали зарубежные радиостанции и газеты. Но мало кто у нас в стране знал о гибели людей и корабля. Разве что кому приходили похоронки, а также севастопольцы — моряки и жители города, с глубокой скрьбой переживавшие случившееся. Это была трагедия, о которой не принято было говорить ни тогда, ни тем более позднее, в период застоя. Милионы наших людей услышали эхо взрыва, преодолевшее преграды расстоянием в 33 года и отразившееся в призме гласности и перестройки лишь в мае 1988

до 9,1 метра, мощность машины — 75000 лошадиных сил.

По вооружению «Новороссийск» не имел себе равных в составе ВМС СССР. Десять стволов главного калибра 320-миллиметровых орудий располагались в 4-х башнях; двенадцать стволов 120-мм — в шести башнях, четыре спаренные 100-миллиметровые универсальные пушки и 14 скорострельных 37-мм зенитных автоматических установок. Один выстрел главного калибра уносил снаряд весом 750 кг и 250 кг пороха (два полузаряда).

Флагман привлек к себе внимание и жителей г. Новороссийска, которые изъявили желание шефствовать над кораблем. Звязалась крепкая дружба экипажа корабля и новороссийцев. В 1951 году родилась хорошая идея у комсомольцев корабля — взять шефство над детским домом. После войны в Крымской области были организованы детские дома, в которых содержались дети-сироты, родители которых погибли при обороне Севастополя и освобождения Крыма. Один из таких детских домов находился в с. Соколиное, Куйбышевского района, где воспитывались более 100 человек. У экипажа появились мирные заботы — подшефный детский дом. Трудно передать, с какой радостью всегда встречали дети шефов, которые проявляли отцовскую заботу. К новому учебному году дарили книги, тетради, сумки, покупали одежду, игрушки, сладости. В праздничные дни дети часто были гостями экипажа. Содержательной ин-

то 52 человека.

Для меня началась нелегкая жизнь флотского офицера: работа с коллективом, боевые учения, отработка упражнений и т. д. В часы отдыха рассказывал морякам о новинках отечественного и зарубежного кораблестроения, слушал их рассказы о буднях и жизненных планах, организовывал шахматные турниры и художественную самодеятельность. И как-то незаметно для себя я слился воедино с командой башни. Пришло взаимопонимание, и жизнь наполнилась интересным содержанием. Однажды, (это был июль), после длительного плавания мы возвращались на базу. Чувствую, что мои ребята что-то скрывают от меня; окружили особым вниманием и заботой. Оказалось, что они уже знали о смерти моего отца, но не хотели волновать до прихода на базу. С каким теплом и сочувствием отправляли они меня в эту тяжелую поездку на родину.

Мое возвращение совпало с отъездом Юры Абрамова в академию. Я приступил к самостоятельному командованию второй башней. Большую помощь оказывали командир БЧ-11 капитан 3 ранга Ф. Тресковский, командир 1 дивизиона капитан-лейтенант В. Марченко, бывшие друзья командиры башен ст. лейтенант И. Куюмчан, А. Тюминцев, В. Замуриев, командир группы управления огнем — Н. Павлов и неутомимый замполит дивизиона М. Ямпольский. В кругу боевых друзей забывалась печаль, восстанавливались силы и уверен-

их боевую выучку до уровня требований времени. Часто их не успевали переодевать в экипажах. Необычным явлением для боевого поста корабля было то, что рядом осваивали боевую технику матросы и солдаты, молодые люди в робах и гимнастерках. Новое пополнение окружали всесторонним вниманием и заботой, чтобы они быстрее вливались в нашу флотскую семью.

Вторая половина октября была насыщена учениями. Были у берегов Кавказа. Хорошо отстрелялись и получили разрешение отметить праздник Урожая вместе со своими шефами — жителями города Новороссийска.

Мы приняли участие в городских соревнованиях по гребле, парусным средствам, вечером флотская самодеятельность дала концерты на площадках города. Воскресный день провели в кругу шефов, а вечером, когда линкор в эскорте двух сторожевых кораблей покидал бухту, на причал пришли сотни новороссийцев. Они долго оставались на берегу, дружно скандировали, пели, машали руками, словно предчувствуя, что расстаются с кораблем и его экипажем навсегда. Несколько дней провели на Чаудинском полигоне и Судакской рейде. Учения близились к концу. Приближалась годовщина Октябрьской революции. Город и флот готовились к празднику.

В 8 часов утра 28 октября 1955 года вышли в море. На полигоне отстрелялись. На морной милю определили скорость корабля и к 18 венчались силы и уверен-

Лейтенант ХЛОПЕНКО
Борис Кириллович.

Строки из характеристики: «...во время гибели корабля Хлопенко Б. К. проявил храбрость, умение ориентироваться в сложной боевой обстановке, инициативу, находчивость. Своим трудолюбием, скромностью, он завоевал уважение всего личного состава и командования корабля».

Сербулов Зосим Григорьевич горали кучи веток и опавших листвьев. Город очищал свои скверы, улицы и дворы. В бухте хорошо просматривалось активное участие в приемке «Новороссийска». В приюке «Молотова», стоявшего на Доброй души человек, забоченный, грамотный и требовательный командир. Исполнивший обязанности командира линкора старший помощник, капитан 11 ранга

Голландии

рестройки лишь в мае 1988 года.

Волны памяти о безымянных героях-новороссийцах всколыхнули бывшие участники тех трагических событий при активной поддержке журналиста Николая Чекрашина.

О трагедиях следует знать и всегда поминать, учитывая просчеты, чтобы подобное больше не повторялось.

Во все времена чуткость и внимание Родины-матери, с любовью в сердце воспринимавшей трагедии своих сыновей низко склонявшей голову перед их памятью и героизмом, передававшей поколениям их ратные подвиги, на сей раз «новороссийцев» обошла. Многие погибшие до сих пор безымянны, а оставшиеся в живых все эти годы находились в тени чиновничего бездушия.

Сегодня в период гласности, получено право на память погибших. Легализованы живые. Восстановливается честь геройского экипажа. Как тут не помянуть добрым словом первого капитана «Новороссийска» капитана I ранга Кошкера Николая Васильевича, прах которого покончился на городском кладбище г. Николаева. Это он заложил основу отличного экипажа, цементирующим началом которого были офицеры-фронтовики.

Делом чести экипажа было умение отлично стрелять, отлично дружить, отлично решать все задачи. «Новороссийцы» гордились своим кораблем и своим командиром.

Флагман был красив и быстроходен. Имел скорость 28—29 узлов, автономность плавания — 3100 миль. Полное водоизмещение линкора составляло 25000 тонн, длина — 186,4 метра, ширина — 28 метров, осадка —

и пажа. Содержательной, интересной и сложной жизнью жил экипаж линкора. В тот трагический 1955 год лето и осень велась учебно-боевая подготовка всех служб корабля. Усложнялась ситуация и тем, что 65 % персонала состояния экипажа подлежала демобилизации в сентябре — ноябре, в связи с переходом с 5-ти-летнего срока службы матросов и старшин на 4-х-летний. «Годки» должны были подготовить себе достойную смену.

Свидетелем и участником трагических событий оказался и автор этих строк, назначенный на линкор после окончания Каспийского ВВМУ в июне 1955 г. Новинка, как и весь экипаж, ждала серьезные испытания.

На корабле встретили доброжелательно. Запомнилось первое знакомство с офицерами экипажа, матросами и старшинами БЧ. На первых порах предстояло дублировать командира II башни ГК капитана — лейтенанта Ю. Абрамова, который ждал оставшихся специалистов придать смену перед уходом на учебу в академию. В расчете вид, обучить «ремеслу» и, в кратчайшие сроки поднять

ливалась спесь и уверенность. Наступил октябрь. Был зачитан приказ о демобилизации. Начались проводы. Очередной раз корабельный баркас совершил почетный круг вокруг корабля с демобилизованными на борту и уносил гвардию «Новороссийска» на заслуженный отдых.

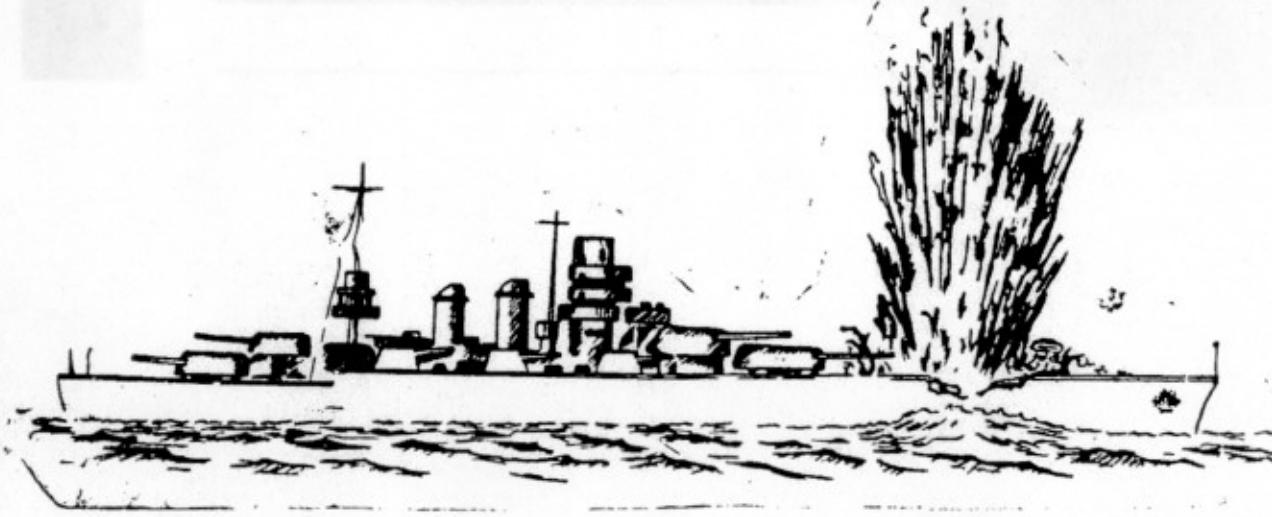
Наступала сложная ситуация. Требовалось поддерживать постоянную боевую готовность корабля, заботиться о смене. Задержали с демобилизацией опытных старшин для подготовки кадров собственными силами (минуя школу оружия). Полнение приходило необычное. Период демобилизации совпал с первой волной значительного сокращения Вооруженных Сил СССР. К нам приходили танкисты, артиллеристы, горные стрелки, и др. армейские специалисты, части которых сокращались, а сроки службы продолжались. В нашу задачу входило с помощью оставшихся специалистов придать резервом командования смену перед уходом на учебу в академию. В расчете вид, обучить «ремеслу» и, в

мандира, капитан II ранга

мощник, капитан II ранга Г. А. Хуршудов уволился на берег. Командир корабля капитан I ранга А. И. Кухта находился в отпуске.

Якорную вахту не позволял долго задерживаться на баке, а до возвращения уволенных оставалось больше двух часов. В самолет спуститься в каюту и сыграть партию — две в шахматы. Любителей было много, а болельщиков еще больше. Но прежде я зашел в 16 кубрик, где жил расчет II башни. Встретились со старшиной башни Заливакиным. Впереди суббота, предстояла большая приборка после похода и ее необходимо было подготовить. Матросы, перед отходом ко сну, разбирали свои свернутые подвесные конки. У входного люка снарядного погреба горело дежурное освещение и находился дежурный матрос. Кажется все спокойно.

После традиционного вечера чая, моряки заполнили верхнюю палубу. Кто потешиться махорочкой, кто подышать свежим воздухом и вспомнить былые походы. Вечер выдался прохладным. Согревали тельняшки и матросские шинели. Непривычное место якорной стоянки создавало массу неудобств. Давил мрак госпитальных стен и нависавших деревьев. С Угольной несло гарью, до-

Б. ХЛОПЕНКО.

(Продолжение следует.)

ЭХО ВЗРЫВА

(Продолжение.)

Начало в № 7-8)

Прижалвшись к первой башне между стволами у барбета разговаривали и курили матросы, сменявшиеся с вахтами. Бак освещался якорными огнями. У гюйштока стоял часовой. Под левый выстрел подошел баркас и стал крепиться «по штурмовому». Усиливаясь ветер, воронизывало до костей. «Пора ко сну», — сказал Мишанский. Больше никто беспокоить не будет. Он имел в виду то, что илюминаторы каюты располагались в районе выстрела. Любой спуск на стоявшие под выстрелами плавсредства или выход из них сопровождался грохотом, от которого он часто просыпался. До гибели оставались считанные минуты. Мы спустились в 1-й кубрик, прошли через будущий эпицентр взрыва и центр будущей гигантской пробоины и возвратились в каюту. Мишанский успел лечь, а меня попросил открыть илюминатор. Я разделился и направился к илюминатору.

Яркая молниеносная вспышка лизнула наружный борт корабля и прошлась по илюминаторам: Я отшатнулся назад, но в это же мгновение почувствовал страшный удар в спину, прижавший меня к борту. Заныла голова, заложило уши. Всего меня облепило илом. Глаза трудно открыть. Протираю глаза и разворачиваюсь внутрь корабля. Путь выхода отрезан. Во всю ширь корпуса зияла огромная пробоина, заполнившаяся водой. По ее периметру на воде полыхало пламя, как потом оказалось горело теплоизоляция из разорванных ци-

ланых, а вместе с ними и весь личный состав носовой группы вступил в борьбу с водой. Было создано семь линий обороны.

Очень сложно описать реальную картину. Казалось, что моряки подвергались невероятным испытаниям не один уже раз. Действовали быстро, изобретательно, слаженно и, главное, почти без команд.

Из личного состава второй башни никто не пострадал, — доложил Заливакин. С ним мы осмотрели зону взрыва на верхней палубе. Между стволами завернулась броня. Со стволом орудий, стекала жидкость грязь. Оба щитка сорвало со своих штатных мест и они зависли над палубой. Спустились на батарейную палубу. Осмотрели переборки.

Не покидала мысль о состоянии боезапаса в погребах первой башни. Хотя явных следов осколков снарядов (глубоких борозд, рваных царапин и др.) обнаружено не было, но волнение не проходило. Обходными путями, вместе со старшиной 1-й башни Захаровым и 2-й — Заливакином мы установили: зарядные погреба заполнены водой, но от взрыва не сдетонировали.

Снарядные погреба (располагались выше зарядных) цели, горит аварийное освещение. Взрывной волной отдельные снаряды смешены со своих штатных стеллажных мест в сторону прохода, но надежно удерживаются в гнездах, особых волнений не вызывают. А ведь разделяла их от зоны взрыва всего одна переборка — 5—10 метров.

Доложив комдиву-В. Мирченко, мы переключились на борьбу за живучесть корабля. Мои часы остановились, а Заливакина показали 1 час. 40 мин. С момента взрыва прошло всего 15 минут, а казалось — вечность. Многое прояснилось. В результате взрыва были затоплены носовые поме-

чи, а вместе с ними и весь личный состав носовой группы вступил в борьбу с водой. Было создано семь линий обороны.

Ведем борьбу в четырнадцатом кубрике. Здесь погреб боезапасов противоминного и зенитного дивизиона. Через неплотности люков бьют четыре фонтана. Вода обходит нас с бортов. С большой надеждой восприняли появление в нашей среде аварийных партий крейсеров «Фрунзе» и «Нахимова». Значит мы не одни. Пришла помощь кораблей, стоявших в бухте.

Кто-то из офицеров, возглавлявших аварийщиков, доложил, что у борта находится спасательно-аварийное судно «Карабах», буксиры и бот. Был сильный озноб от переохлаждения, но на лицах появилась улыбка надежды.

Поддерживали постоянную связь с ПЭЖом (постом энергетики и живучести). Капитан 3 ранга Е. Матусевич требует постоянных докладов о ситуации в помещениях.

Многие раненые и травмированные не оставляли боевого поста. Самое страшное, однако, было то, что вода с носовой части заполнила верхние помещения корабля, которые по бортам не были герметизированы. Это улавливалось по тому, что из неплотностей в коммуникациях струилась вода на головы. Шум и суета отступали в сторону кормы и над головами воцарялась относительная тишина.

При докладах я улавливал в вопросах Матусевича тревожные нотки. Находившиеся в ПЭЖе понимали, что опрокидывание корабля было предопределено устройством его корпуса. Вся нижняя часть корпуса до ватерлинии была выполнена герметичной, а надводная — пронизана всеми основными и вспомогательными магистралями. С носа в корму можно было пройти, не выходя на верхнюю палубу.

Прорывавшаяся вода в верхние помещения при от-
воде вода. За спиной потоком проникаемая переборка. Из люка, являвшегося входом погреба боезапаса 2-й башни, просачивается вода. Дежурный матрос с двумя солдатами, только что пришедшими в наш расчет, отвертками конопатят щели. Неожиданно вырывается дверь с левого борта, и кубрик быстро заполняется водой. Вода подступает к трубке телефона. Докладывают обстановку в ПЭЖ, который теперь расположен под нами. Матусевич понял, что мы в «мешке». Он спокойно произнес: «Отдрянуть экстренный выход в фокмачте и вывести людей врезерв на ют». Это был единственный люк, позволявший спаси людям.

А вода все прибывала. Приказываю Заливакину: «Начать вывод личного состава через экстренный выход на ют!». Матросы бросились к рундукам, пытаясь прихватить свои документы.

Заливакин ушел вперед, а за ним потянулись моряки. Вода касалась подволока кубрика с левого борта. Справа имелось небольшое жизненное пространство. Последний доклад в ПЭЖ: «Выход личного состава закончен!».

Вместе с матросом Степаниковым Николаем оставляем помещение последними. Судьба еще не раз сводила нас: госпитали городов Николаева, Севастополя, Симеиза.

Итак, мы оказались на батарейной палубе и правым бортом продвигаемся внутрь корабля в корму. Казалось, в воде было теплее, а теперь бьет дрожь. Степаников на ходу срывается с винтовок две матросские шинели, одну из них протянул мне. Чувствуем, что продвигаться становится тяжело. Начинаем съезжать в сторону левого борта. Никому и в голову не приходило, что до переворота корабля ос-

стерн. Слышались крики раненых, призывающих о помощи. Завернувшись вверх, прошитая взрывом, броня преградила путь в пропасть. Молниеносно — работает мысль: выход возможен только через иллюминатор. Спасло то, что их диаметр под фальшбортом был больше всех остальных. Разворачиваюсь, напрягаю силы и дотягиваюсь до иллюминатора. Нестерпимая головная боль и начавшаяся рвота отвлекают от главного. Все пересиливаю. Открываю иллюминатор, подтягиваюсь и протискиваюсь в него. Теперь виден наружный борт. Подтягиваюсь и перебираюсь на палубу. На палубе ни единой души. Палуба покрыта илом. Пытаюсь сделать шаг в сторону пробоины, теряю сознание и падаю. Очнулся и не пойму, где я. Оказалось, что корабль уже имеет приличный дифферент. После падения сполз по иллистой палубе к пробоине, но завернутая броня на этот раз спасает.

икора, стоявшие под выстрелами, превратились в шепочки и эвакуировать раненых было не на чем.

Была дана команда: «Плавсредствам кораблей, стоящим в базе, к борту «Новороссийска».

Со временем все тяжело-

щания до 3-го кубрика на батарейной палубе, до 16-го — на брюлевой, шпилевос отделение и носовые дизель-генераторы. Через пробоину в первые же мгновенья в корпус корабля прорвались сотни тонн забортной воды.

Аварийные партии корабль переходили в соседние помещения, а остальные работали, пока был смысл. Вплавь перебирались в соседние помещения, где работал очередной заслон. Сложнейшая обстановка сама предопределяла действия одного и всей команды.

носительной герметизации нижних, создавала опрокидывающий момент, который со временем возрастал.

Наше отступление продолжалось. Теперь мы оказались в родном 16 кубрике, где жил расчет 2-й башни. Слева, справа и над головой

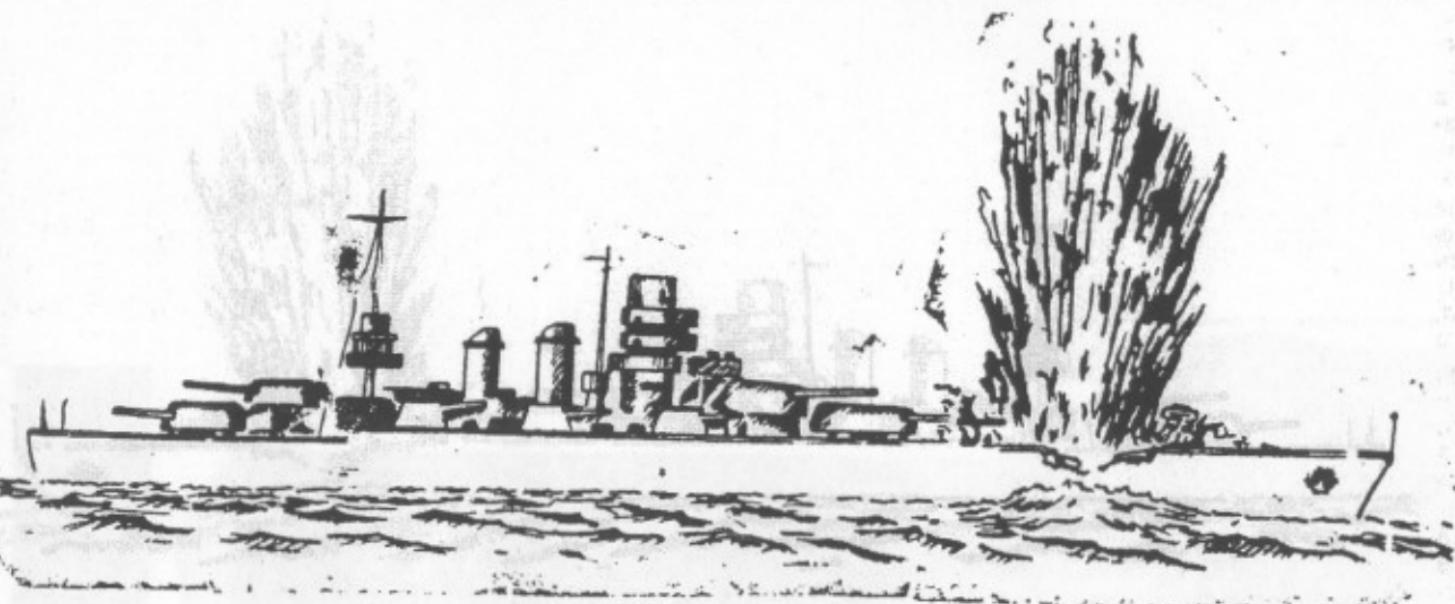
таются «читанные» секунды. Вот и выходной люк в районе 3-й башни.

Люди с трудом протискиваются в него. Сказывалось то, что угол наклона палубы был слишком большим и затруднял выход.

Цепляюсь за леерные стойки и подтягиваюсь на палубу. Первое мгновение удручающее. Указанное место сбора — ют, было недосягаемо. Корма метров на тридцать поднялась вверху. Гребные винты поблескивали в свете прожекторов. С правого борта стоял спасатель, куда пытались перебраться матросы.

От лейеров люка оторваться было невозможно. Корабль быстро увеличивал крен на левый борт. Те, что были у правого борта, начали перебираться на бортовую обшивку, которая постепенно принимала горизонтальное положение. Это были последние секунды жизни корабля.

Б. ХЛОПЕНКО.
(Продолжение следует).

семерым удалось освободиться из корпусного плена и исходу дни 29 октября рассказывал: «Пришли в себя. Дизеля продолжали ровно стучать над головами». Вода частично заполнила помещение 4-й электростанции, но воздух и жизненного пространства оставалось достаточно. Не исключено, что мы еще минут двадцать под водой давали свет. Но вот в помещение стали прорываться газы. Стало быть, выхлопная труба забита. Огнедышущим газам стало трудно преодолевать сопротивление. Пришлось обесточить корабль, остановить дизель. К этому моменту установил, что ст. матрос Воронков и только начавшие службу, вчерашние солдаты, матроны Столяров, Смычко, Конев, Шиборин и Лемберг в добром здравии. Терялась надежда на спасение. Лиггин не извичок. Он хорошо знал устройство корпуса в районе электростанции. Можно попытаться открыть

хитзя нижнюю, от которой невозможно было освободиться. Ныли раны и ссадины, разъедаемые соленой водой, мучили приступы рвоты от попавшей в желудок нефти. Вдобавок над бухтой навис туман, мешавший ориентации.

бороздили дно вокруг линкора, поднимали погибших. Ночью их доставляли на Северную сторону, разгружали и оставляли на носилах для опознания. Устанавливали личность по боевым номерам, надписям на рабах и тельняшках, доку-

се и дававших о себе знать изнутри корабля, третий представлялись в роли виноватых.

Мне вспоминается много эпизодов из жизни героического экипажа. Всего не опишешь, но об одном расскажу.

Сегодня с семьей бываю в Севастополе, посыпаю могилы друзей — красноармейцев, встречаюсь с оставшимися в живых, некоторые из них живут в Николаеве.

Совет ветеранов нашего корабля зовут в Севастополь «подпольными». Есть в этой горькой шутке и доля правды — пишет журналист Н. Черкашин в одной из статей.

Имена погибших все эти годы были в забвении. Нет их полностью на братских могилах и сегодня.

В этом году Совет ветеранов линкора, общественность Севастополя, редакция газеты «Слово Севастополя» развернула широкую работу по установлению мемориальных досок с перечислением фамилий моряков, погибших при исполнении служебного долга, продолжается поиск имен.

Свой воинский долг они выполнили до конца.

Б. ХЛОПЕНКО.

